

Мои значимые другие: Зенита, Сусана, Иланка Часть 2

Светлана Бойм

Первая часть этого автобиографического эссе Светланы Бойм была опубликована в предыдущем номере журнала *Versus* (см.: Бойм С. Мои значимые другие: Зенита, Сусана, Иланка (часть 1) // *Versus*. 2022. Т. 2. № 3. С. 126–152).

Светлана Бойм (1959–2015). Историк и теоретик культуры, художник, драматург и прозаик.

Перевод с английского *Александра Стругача* под редакцией *Юлии Вайнгуорт* выполнен по рукописному оригиналу (*Boym S. My Significant Others: Zenita, Susana, Planka*). Печатается с любезного согласия родителей *Светланы Бойм*.

Я ПРОМЧАЛАСЬ через все то же промежуточное пространство по длинному коридору безымянной коммунальной квартиры, превращающемуся в полутемную железнодорожную станцию; это всегда был переход из одного нигде в другое, тесные плацкартные вагоны, где с верхних полок свешиваются ноги пассажиров, разомкнутые замки на дверях, имеющих странную форму комнат в коммунальных квартирах, полных друзей и родственников, лица которых я едва различала. Они всегда ожидали меня, но я застигала их врасплох. Я бы попыталась сбежать, но всегда была еще одна комната, а за ней еще. Я до сих пор брожу по этим проходам в своих снах, и никакого количества поездок в Россию пока не хватает для того, чтобы окончательно избавить меня от них. Позже явился очень ясный и простой сон. Я очутилась посреди Исаакиевской площади (мрачная статуя в центре, пурпурная помпезность колоссального собора, морось в воздухе, слякоть на ухабистом променаде). Мне нужно идти на Сенатскую площадь к Медному всаднику (серые волны, застывшие в камне, вздыбленные копыта и извивающийся под ними змей, незрячие очи царя). Мне почему-то не удается туда попасть. Я хожу кругами, но добраться туда никак не получается. Вообще-то, каждому ленинградцу известно, что эти площади расположены бок о бок; одна за другой — строго по оси. Во сне прямая линия превратилась в бесконечную спираль. Просыпаясь, я начинала рисовать схемы ленинградского общественного транспорта, троллейбусов и автобусов, курсирующих от моего дома в разные районы города. Вот троллейбус № 1, который шел по широким проспектам к императорскому великолепию дворцов и мостов над речными волнами. Трамвай № 6 пробирался в окружении щелчков и клацаний по мрачной периферии, мимо грязной речки Карповки и расположенной неподалеку от Ботанического сада средней школы с углубленным изучением испанского языка, где я проходила «педагогическую» практику. Был еще переполненный автобус № 49, идущий до Исаакиевской площади; водитель этого автобуса искренне ненавидел своих пассажиров и обожал оставлять их позади, лишая надежды добраться вовремя к нужному месту. Я начала записывать воспоминания об общественном транспорте еще в докомпьютерную эру, и они все еще могут храниться где-то среди моих бумаг, а может быть, — потерялись во время одного из моих американских переездов.

Но вот восьмидесятые годы подошли к своему драматическому финалу. Берлинская стена внезапно пошла трещинами и рухнула — со всем ее красочным поп-артом с одной стороны и мрачным бетоном с другой. Мне хотелось прикоснуться к пылающим камням истории на улицах Берлина и Ленинграда, что представлялось мне куда более злободневным, чем все мои академические кавычки. Перелом в моей собственной судьбе совпал с переломными моментами в общей истории, в которой забывание также занимало центральное место, но обсуждалось не в пример меньше, чем реставрация коллективной памяти. В 1989 году пал железный занавес, и многие с удовольствием присвоили себе персональные красочные обломки Берлинской стены. Советский Союз прекратил свое существование в 1991 году, и вся страна чувствовала себя страной иммигрантов, хотя многие при этом никуда не переместились.

Я помню то московское лето — август 1991-го — это был момент эйфории в российской истории, когда тысячи людей вышли, чтобы выразить поддержку перестройке и гласности — против попытки путча. Помимо всего прочего, как и в случае с «бархатной революцией» в Праге, это был добровольный (без поддержки твиттера и фейсбука) гражданский протест, которого не случалось в России со времен Февральской революции. В то время как разворачивалось это крупнейшее историческое событие, которое впоследствии было подвергнуто критике и преднамеренно неверно истолковано, ни один телеканал не пожелал его освещать. Вместо этого по всем телеканалам утром, днем и ночью показывали «Лебединое озеро», балет великого Чайковского. Таким образом, все понимали, что происходит нечто поистине ужасающее и об этом нельзя рассказывать. Я только что вернулась в США, всего за пару недель до этого, и непрерывно поддерживала связь со своими друзьями — корреспондентами ленинградской телепрограммы «Пятое колесо», которые вели репортажи с Дворцовой площади. «Звони на CNN» — требовал телеведущий. Я не могла его разочаровать, сообщив, что у меня нет непосредственного контакта с недавно созданным CNN. На CNN перемещения танков по Красной площади в Москве, а также — эйфория и отвага протестующих постоянно прерывались наступлением таинственного «урагана Боб»¹ на Бостон и предупреждениями о свечах, трубах и на-

1. Ураган Боб (*Hurricane Bob*) — крупнейший в истории Новой Англии тропический ураган, затронувший Северную Каролину, Массачусетс и смежные тер-

воднениях. Еще с советских времен я полагала, что всякий раз, когда люди слишком много говорят о погоде, за этим может стоять что-то еще, что они пытаются скрыть. За «пустой болтовней» должно скрываться нечто значительное, о чем нельзя говорить. Все эти журчащие ручьи и лесные озера обычно появлялись на советских телеканалах как очаровательные паузы с естественными, природными красотами, позволяющие уклониться от скандальных репортажей.

Разумеется, когда дело дошло до революции, как, скажем, в августе 1991 года, настало время для чего-то совершенно противоестественного, например балета «Лебединое озеро». Следя за репортажами CNN, 20 августа мой друг с петербургского телеканала кричал в трубку: «Света, что, черт возьми, происходит? Какая катастрофа? Кто такой Боб? Это ЦРУ?» В тот исторический момент отключилось электричество, и я осталась в кромешной тьме в своем доме в Бостоне — без свечей и запасов воды. Я поняла, что далеко не все прогнозы погоды носят идеологический характер, я же — обречена пропустить историю. После августовского путча 1991 года средства массовой информации стали открытыми и вплоть до путинского времени были экспериментальными по форме и разнообразными. Но тот эпизод с «Лебединым озером» с удвоенной силой вернется в 2000-е. Многие люди приветствовали перемены, наступившие после падения Берлинской стены в 1989 году и распада Советского Союза в 1991-м. Как настоящие иммигранты, которые знали, что оставляют позади, но не знали, куда направляются. И все же очень многие бывшие советские граждане не считали, что такая эмиграция являлась их собственным выбором; в русской культуре мы зачастую в первую очередь апеллировали к чувству вины, нежели к рефлексии и ответственности.

В конечном итоге, трудности и ощутимые экономические проблемы переходного периода, а также принудительное забвение жизненного опыта советского времени открыли путь для реставрирующей ностальгии по тому миру, который мог существовать исключительно в снах бывших советских граждан и только в них. Я впервые вернулась в Россию в 1990 году после девяти лет, проведенных за границей. По крайней мере на протяжении шести из них я и представить себе не могла, что подобная поезд-

ритории. Стихийное бедствие продолжалось с 16 по 20 августа 1991 г. Жертвами урагана стали 17 человек. Максимальная зарегистрированная скорость ветра составила около 185 км/ч. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

ка в принципе возможна. В 1981 году на советской границе мне сообщили, что больше никогда не позволят вернуться назад, чтобы увидеться с родителями, и меня лишили советского гражданства. В 1990 году, когда британский авиалайнер начал заходить на посадку и я увидела потрепанное здание Ленинградского аэропорта, я впала в оцепенение и не хотела покидать международную зону после приземления. Но я сопровождала свою шестнадцатилетнюю дальнюю родственницу, которая готовилась впервые увидеть собственного отца, поэтому мне пришлось подняться и решиться на это — исключительно ради нее. На протяжении десяти лет я возвращалась по несколько раз в год, и каждый раз я страшилась прибытия и оплакивала отъезд из России и все те крепкие дружеские взаимоотношения, которые там возникли. Но едва я оказывалась на борту самолета, меня неизменно переполняло чувство головокружительной иммигрантской радости — вау, мне опять удалось улететь! Свою книгу «Будущее ностальгии» я начала с антиностальгической пресуппозиции. Для иммигрантов первой волны ностальгия зачастую была табуированной. Более того, эту тоску по дому нередко любили «поматросить да и бросить»² политики-националисты и религиозные экстремисты. Это — тоска по великому отечеству, существовавшему в некий момент исторического времени, который в ностальгическом опыте обращается в нескончаемое настоящее. Я определила ностальгию как тоску по дому, которого больше не существует или, быть может, не существовало никогда. Что особенно важно, ностальгия, казалось бы, является тоской по месту, но на самом деле это тоска по иному времени; она также может быть воплощением бунта против необратимости модерна, стремлением к более медленным ритмам бытия. В ностальгии присутствует элемент утопии, разве что эта утопия направлена не в будущее, а в прошлое или «в иное время» в более широком контексте.

Чем больше я занималась ностальгией, тем больше осознавала, что она может быть неисцелимой, а ее объект — на-

2. Игра слов — *used and abused*. Отсылка к устойчивому выражению *used, abused and refused* — английский аналог выражения «поматросил и бросил», означающего манипулятивное использование кого-либо или чего-либо в собственных корыстных целях с последующим уходом от ответственности. Здесь, очевидно, присутствует отсылка к общепринятому переводу на английский язык заглавия труда Фридриха Ницше — *Vom Nutzen und Nachteil der Historie für das Leben* (англ.: *On the Use and Abuse of History for Life*, рус.: «О пользе и вреде истории для жизни»).

веки недостижимым. Куда лучше примириться с собственной ностальгией, так как то, что действительно важно, — это не поддаваться коллективной манипуляции нашими аффектами и прокладывать свой личный извилистый путь тоски. Я выделила «реставрирующую ностальгию», которая является антиисторической и пытается воссоздать пространство великой родины, зачастую эксплуатируя теории заговора и мифы, и «рефлексирующую ностальгию», осведомленную о том, что у нее нет отдельного объекта, и с нежностью исследующую человеческий опыт времени. Ностальгия не всегда ретроспективна; она также может быть перспективной, она может идти боковыми путями и открывать неторные дороги, будущее в прошлом, которое так и не воплотилось. Я стала особенно чуткой по отношению к соблазнам и недобольству, присущим этой странной модернистской эмоции, которая находит наилучшее свое воплощение в искусстве, а вовсе не в политике. И, разумеется, ностальгия теперь уже не та, что раньше. «Скучаете ли вы по России?» — спросили бы меня. «Да, но это вовсе не то, что вы имеете в виду». Или я бы сказала так: «Нет, но это вовсе не то, о чем вы думаете». То, что я обдумывала и чувствовала, оставалось для меня недостижимым. Я ощущала определенное несоответствие: как будто чем ближе я находилась к собственному дому, тем более чуждым он представлялся. Вслед за переживанием тоски-по-дому приходит и пресыщение им³. Для меня было важно не возвращение домой, а желание быть публичной интеллектуалкой, которая живет историей, делится межкультурным опытом и может стать проницательной наблюдательницей и, возможно, человеком, к чьему слову прислушиваются, который несёт новый опыт и знания на свою первую родину.

В какой-то момент в 1994 году, спустя пятнадцать лет после учебы в Педагогическом институте, я решила навестить свою альма-матер. Я отправилась туда спонтанно и инкогнито с моим молодым человеком-американцем, никого заранее не предупредив. Парадный вход с потрепанной растрескавшейся краской выглядел абсолютно так же, как и раньше. В буфете в темном вестибюле все та же дама-«буфетчица» продавала пирожки с капустой (хочется сказать все те же пирожки, поскольку выглядели они весьма древними). В женском туалете, который был нашим неофици-

3. Игра слов *homesickness* («тоска по дому») — *sickness of home* («тоска от пребывания дома»).

альным салоном, стоял знакомый запах пота — черта эпохи, предшествовавшей появлению дезодорантов, и несколько первокурсниц с возбужденными покрасневшими лицами и размазанными голубыми тенями обсуждали экзамены. Все это было невероятно знакомым, но я еще никогда не ощущала себя настолько не в своей тарелке. Я даже опасалась разговаривать со своим молодым человеком по-английски, чтобы меня не задержали за незаконные контакты с иностранцами. Мы поднялись на третий этаж, где раньше располагалось испанское отделение. Так как мы общались на английском языке, несколько секретарш с подозрением посмотрели на нас сквозь приоткрытые двери. В коридорах было темно и пусто; это, должно быть, было время перед сессией, период подготовки к экзаменам. По мнению моего бойфренда, все это было довольно забавно; он принялся изучать «стенгазеты», где демонстрировались достижения и успехи студентов — в основном в виде черно-белых фотоснимков, — так, будто цветная фотография еще не добралась до стен Педагогического института.

— А вот и ты, — внезапно выпалил он.

— В смысле?

— Это ты, — повторил он.

Я всмотрелась в один из фотоснимков студенческого научного общества и увидела девочку с длинными прямыми волосами со знакомой белой заколкой, в темных джинсах польского производства и с серьезным взглядом. Позади нее на доске были испанские и каталанские глаголы движения, — ориентировочно 1978 год. Невольно возникал вопрос: что же приключилось с той девочкой? Быть может, она стала научной сотрудницей этого института? К сожалению, у нее была фамилия Гольдберг, поэтому она устроилась учительницей в английскую школу где-то на окраине города. Как могло случиться, что *persona non grata* и «предательница родины», которую попросили отчислиться из института в 1979 году и никогда не звали обратно, все еще красовалась на доске научного общества? Мой профессор мог поплатиться строгим выговором за то, что оставил ее там. Неужели профессор испанского и баскского языков М. З. с ностальгией сохранил это фото — на черный день? Была ли это обыкновенная советская халатность? Может быть, они стремились избежать «утечки мозгов» и хотели оставить Светлану Гольдберг в ее альма-матер? А может, с 1978 года не было новых исследований, посвященных испанским глаголам движения? Каким-то образом Светлана Гольдберг осталась в студенческом

научном обществе в 1978 году и последние пятнадцать лет обитала в этом слабо освещенном ленинградско-петербургском коридоре, а Светлана Бойм поступила в другой университет, стала профессором и спаслась. По крайней мере, она сама так думала.

В 1990-е годы я возлагала надежды на то, что смогу быть настоящей русско-американкой и служить обеим культурам. Само собой, мне не удалось бы сойти за свою в обеих странах, несмотря на мой безупречный русский язык. Все дело в тех жестах и той неуместной улыбке, которые выдавали меня на улицах Санкт-Петербурга и Москвы. И еще кое-что: всякий раз, когда я спотыкалась, прогуливаясь по улицам своего родного города, я говорила “shit” или “ouch”, также выдавая себя. После 1996 года я стала ощущать то, как меняется русский *Zeitgeist*, обращая внимание на культурные проекты, новую архитектуру и урбанистические трансформации, — такие, как строительство невероятной копии Храма Христа Спасителя и крупнейшего торгового молла в России с крымскими мотивами в центре Москвы (Крым наш! Крым российский! — это давно было на повестке дня у мэра Москвы Лужкова, но тогда к этому не относились слишком серьезно, и никто не возражал против нескольких, располагавшихся неподалеку от Красной площади объектов, которые оказались прообразом того, что произойдет впоследствии), — а порой и на те книжки, которые распространялись в огромном количестве. Летом 1999 года открывалось еще так много возможностей, — у нас были беседы о свободе в прокуренных кафе, встречи с потенциальными либеральными кандидатами на пост премьер-министра. Все это закончилось в начале 2000-х годов; я отказалась от идеи иметь двойное гражданство, — если не де-юре, то хотя бы де-факто.

В 2003 году милиционер остановил меня в центре Москвы.

— Ваша национальность? — спросил он.

— Что? — я пребывала в недоумении.

— Национальность, — грубо бросил он, — ваши документы.

— Я еврейка, — сказала я, — а по паспорту американка.

— А, ладно, — ответил он. — Не беспокойтесь. Я подумал, что вы кавказской национальности.

Это был период, когда один вид этнической дискриминации оказался временно вытесненным другим; я по-прежнему была в его глазах не белой, разве что — менее опасной не белой. Именно тогда пришло понимание того, что Света,

которая говорит по-русски без акцента, — такое же вымышленное создание, как Сусана, *la Gallega* или Сюзанн. Россия не приемлет имен, содержащих дефис; ты не можешь быть русской/и /и. Русской и еврейкой, американкой и каталонкой, например. Всегда или/или, — в большей степени, чем во многих других уголках мира. Взаимодействуя с российской культурой, вы обычно попадаете в разряд патриота или предателя и крайне редко — толкователя.

Сентябрь 2001 года переориентировал жизнь многих людей. Лично для меня период правления Владимира Путина в России и Джорджа У. Буша в США, десятилетие, начавшееся с 2000 года, было временем забвения и составления книги об альтернативных концепциях общественной свободы, которая тогда исчезала по всему миру. Свобода — это «новое начало и чудо бесконечной невероятности»⁴, эти слова Ханны Арендт открыли целый мир вдохновения. В своей книге я задавалась вопросами о том, как жить с неопределенностью, как творить в публичном пространстве и делать новое начало возможным, не отказываясь при этом от исторической и личной памяти. В русской концепции всегда существовало противоречие между наличием внутренней свободы, иначе говоря, — тем, что «свободнее настоящей свободы»⁵, в чем русские преуспели, — и отсутствием политических свобод: в диапазоне от эпохи абсолютной монархии до сталинизма. В русской культуре зачастую куда важнее ощущать себя свободным, нежели научиться жить в условиях свободы. Радикальное и по большей части кратковременное освобождение ценится выше осознанной борьбы за права и свободы. В сущности, позитивная концепция свободы (а не освобождения или независимости) зародилась в Афинской республике; она имеет отношение к общественной, а не к личной свободе и особенно ценилась бывшими рабами и иммигрантами, у которых была возможность стать гражданами Афин. В какой-то степени это касалось именно посторонних, которые должны были восхищаться возмож-

4. Размышляя о свободе, Ханна Арендт писала: «Чудо свободы заключено именно в этой способности зачинать новое, которое со своей стороны основано на том факте, что каждый человек со времени своего прихода в мир, существовавший до него, сам является новым началом». Цит. по: *Пертель О.* Введение в политическую концепцию Ханны Арендт // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2009. № 4.

5. Отсылка к знаменитой строке из произведения Федора Достоевского «Записки из мертвого дома»: «<...> свобода казалась у нас в остроге как-то свободнее настоящей свободы».

ностью жить свободно и ценить то, что местными жителями, по всей вероятности, воспринималось как должное. Что же до концепций внутренней свободы, восходящих к более поздней эпохе империи, то они стали частью общественной архитектуры. Стойки говорили об «акрополе души» в то время, — когда другой Акрополь лежал в руинах. Общественное пространство свободы было пространством со-творчества, перформансом с участием социальных условностей, законов и институтов, при этом не ограничивавшимся технократической практикой и открывающим пространство для индивидуальной спонтанности и диссидентства. В общем и целом я попыталась переосмыслить гуманистическую и политическую концепцию общественной свободы, о которой грезили восточноевропейские диссиденты и другие посттоталитарные мыслители, ставившие ее выше капиталистической экономики. Работа над книгой о свободе была в большей степени уединенным делом, нежели работа над темой ностальгии. Я обнаружила, что моих читателей больше интересовала утопическая привязанность к прошлому, чем неопределенность в настоящем и будущем.

После того как я сама столкнулась с неопределенностью, я вышла замуж за своего давнего американского бойфренда. Моё «литературное имя» (*nom de plume*) — Светлана Бойм, — тем не менее осталось неприкосновенным. В период правления Путина я перестала посещать Россию. У себя в Бостоне я неожиданно включилась в спонтанный арт-проект. Я вырезала фрагменты из фотографий, сделанных во время поездок по России и Восточной Европе в 1990-е годы, порой — из фотокарточек, существовавших в единственном экземпляре и не имевших негатива. Затем я начала компоновать из них коллажи, искажающие образ дома и сохраняющие неточности, ошибки выдержки и нарушения резкости. Вместо неподвижности приклеивания я предпочла поиграть с вырезанием и перемещением фрагментов поверх старых обоев. Но в конечном итоге универсальный клей и привычные рамочки превратили эти эфемерные проекты в «арт». Затем я начала работать с элементарными единицами движения. В моих медиапроектах «Фантазмагории истории» и «Многозадачность с облаками»⁶ исторические образы исследовались на основе случайностей и человеческих ошибок, а также проявлялись присущие им разрывы во времени и его патина. Я использовала синкопированное движение,

6. "Phantasmagorias of History", "Multitasking with Clouds".

чтобы собрать изображения в единое целое, подмигивая Набокову и его оде пропущенным ритмам. Это было «нулевое» десятилетие XXI века, и хорошо ли, плохо ли, — но «конца истории» все еще было не видно. Мой разрозненный архив был разбросан по всему дому, и я лишь пожала плечами в ответ на предложение написать воспоминания эмигранта. На самом деле, я опасалась того, что как представлялось, было моим собственным ностальгическим обращением. Я искала забвения во имя нового начала. И вот я обнаружила такой веб-сайт, как *Improbable Reality* — «Невсамделишная реальность», — и он оказался идеальной новой платформой для интеллектуальных экспериментов. Идея публиковаться под своим подлинным именем (или подлинным лицом!) была чуждой свободному духу тех ранних дней интернета. Сайт *Improbable Reality* требовал наличия интересного псевдонима и высокого уровня дискуссии. Он фокусировался на философском поиске и поддерживал форумы о природе реального, о свободе и памяти. Я подумывала над использованием имени Зенита в качестве своего псевдонима — Зенита, вольная цифровая пионерка без красного галстука, — но в итоге остановилась на имени Свобода — “freedom” на русском языке. Этого никто не понял; они посчитали, что я мужчина, неформально называли меня Свобо (надеюсь, меня не перепутали со Слободаном⁷). Невсамделишная реальность вскоре взяла верх над всамделишной, и я обнаружила, что чаще пишу другим обладателям псевдонимов с философским складом ума — вместо того, чтобы отвечать на адресованные персонально мне электронные письма. У нас были развернутые дискуссии о законе и свободе, наслаждении и памяти. Весьма характерной была одна непрерывная ветка дискуссии между профессором юриспруденции с пафосным псевдонимом и двумя дамами-учеными. Одна из них представляла аналитическую феминистскую точку зрения, в то время как другая была немного идеалистичной и возвышенной. За профессором, как правило, оставалась кульминационная фраза и последнее слово, а осталь-

7. Вероятно, намек на Слободана Милошевича (1941–2006) — сербского и югославского государственного и политического деятеля, лидера Коммунистической партии Сербии в 1980-е гг., президента Сербии в 1991–1997 гг., президента Союзной Республики Югославия в 1997–2000 гг. Вместе с рядом высоких военных и политических руководителей бывшей Югославии в мае 1999 г. Милошевич был обвинен в совершении военных преступлений в Косово в 1999 году. Арестован в 2001 г. и отправлен в тюрьму ООН в Гааге, где и скончался в 2006 году, так и не дожив до окончания судебного процесса.

ные почему-то любезно это принимали. А потом однажды сайт *Improbable Reality* пережил кризис идентичности. В связи с тем, что домашняя страница переезжала на другой сервер, организаторам потребовалось проверить данные аккаунтов пользователей. Тогда-то они и обнаружили, что «профессор юриспруденции», споривший с двумя учеными-феминистками, всех виртуально разыграл. На деле он выдавал себя за трех персонажей одновременно, что позволяло сделать двух вымышленных женщин-ученых чуть менее смышленными, чем он сам. У основателя сайта *Improbable Reality*, студента философии из Амстердама был Кодекс чести. Каждый из участников имел право выбрать себе вымышленный аватар, но затем они должны были вступить в реальный содержательный диалог с другими участниками сайта, а не сами с собой. Это был старый добрый виртуальный салон, где мы отказывались от повседневной идентичности ради интенсивного интернационального диспута на значимые темы. Вы можете выйти за рамки своего повседневного «я», но вам все равно придется прислушиваться к другим. Я коротко обменялась электронными письмами с основателем и полагаю, Зенита-Свобода была единственной женщиной на сайте. Затем домашняя страница переехала на новую платформу, на которой применялся более безопасный пароль, который я со временем позабыла. Таким образом, сайт *Improbable Reality* был мной утрачен, как и другие мои эфемерные родины.

Мой первый тайный цифровой роман был, само собой, на испанском языке, точнее на никому не знакомом поэтическом диалекте испанского языка — с множеством цезур и искусно сконструированных пауз. Он преодолел множество границ и расширил границы текста и тела. Все началось с недвусмысленных ухаживаний. Мой анонимный корреспондент Икс прекрасно знал «Будущее ностальгии» — так, будто именно он был подлинным адресатом книги. Икс утверждал, что мы никогда не встречались за пределами текста, и продолжал старомодные ухаживания, перемежая цитаты из «Дон Кихота» и аргентинской поэтессы славянского происхождения Алехандры Писарник⁸. Мы беседова-

8. Алехандра Писарник (1936–1972) — аргентинская поэтесса, писательница и переводчица. Родилась в Аргентине в семье еврейских эмигрантов украинно-польского происхождения. Алехандра увлекалась модернистской литературой, авангардной поэзией, изучала творчество Джеймса Джойса, Марселя Пруста, Сёрена Кьеркегора, французских мастеров сюрреализма. С середины 1950-х гг. писала стихи, пьесы и прозу на испанском языке, создавала иллюстрации.

ли о нашем изгнанничестве, о юных пионерах — в холодном и жарком климате, о поэзии и синкопах. Кто бы смог перед этим устоять? Это был старомодный эпистолярный роман, а вовсе не виртуальные свидания. Мы придумали свою собственную уникальную интеллектуальную базу и тайный язык; правда, мой корреспондент не захотел переносить все это в не-виртуальное пространство. Икс порой бывал вездесущим, а иногда бесконечно неуловимым. По мере того как мы углублялись в язык, писали все чаще, едва касаясь нежных кнопок клавиатуры, буквально читая иммигрантские мысли друг друга, я начала понимать, что в моем испанском не достает оттенков волнения и иронии. Моя ленинградская фонетическая подготовка тут оказалась бесполезной, но я не признавала своих лингвистических ограничений. В одном из особенно сложных писем я запуталась в паутинах намеков и внезапно наткнулась на строку, не имевшую смысла с точки зрения грамматики испанского языка: «*¿Y que vas a decir si fuera una ella?*». Я решила проигнорировать эту аграмматическую строку. (Попробуйте использовать гугл-переводчик, уважаемый читатель.) Мой корреспондент был напуган моим молчанием. Ответьте, пожалуйста. Неужели это так ужасно? Если окажется, что я — это она? Так что, мой «странствующий рыцарь» (*caballero andante*) тоже оказался «безжалостной красавицей» (*La Belle Dame sans Merci*)⁹, — полиморфной и разносторонней. Некто, кому эрос языка достался от природы. Я была для нее *Ezbed-lana*, это мое имя безраздельно принадлежало ей; оно было зарезервировано для этого необычного романа между двумя иммигрантками с разных континентов. Нет, я писала не себе; на сей раз у меня был реальный адресат.

люстрации к собственным сочинениям. Страдала серьезными психическими расстройствами, на фоне которых неоднократно совершала попытки суицида. Лишила себя жизни 25 сентября 1972 года после выхода из психиатрической лечебницы. Через 10 лет после ее смерти был издан сборник «Запретная зона» (*Zona prohibida*) с авторскими иллюстрациями.

9. *La Belle Dame sans Merci* — фр. «Безжалостная красавица». Поэма французского стихотворца и писателя Алена Шартье (ок. 1385 — 1430) и одноименное стихотворение британского романтика Джона Китса (1795–1821). В балладе Китса происходит встреча странствующего рыцаря и загадочной феи. Этот сюжет, являющийся метафорой меланхолии, стал одним из центральных мотивов в искусстве прерафаэлитов. Французскую фразу-цитату поэт включил в 10-ю строфу своего произведения, где описывается ужасное видение рыцаря, случившееся в гроте феи: «Смертельно-бледных королей/И рыцарей увидел я./ „Страшись! La Belle Dame sans Merci/Владычица твоя!“».

Сейчас, садясь в переполненный вагон метро, я слышу, как меня зовут: Света, Сусана, Светка, Светлана. Обобщаюсь, словно в машине времени, и никого не узнаю. Я познакомилась со слишком большим количеством людей в разных разрозненных вселенных, поэтому я больше не связываю между собой имена и лица, они неосознанно витают в пространстве, — словно сложенные из бумаги снежинки на советских новогодних вечерах. Эти имена жили со мной, словно персонажи недописанных романов, которых едва набросали и бросили, прежде чем им удалось бы реализовать весь свой потенциал. Я пыталась сойти за свою в слишком большом количестве стран: в России, США, Испании, снова в России, снова в США. Вот и пришло время принять собственное «я» с его неприемлемым¹⁰ акцентом. Но когда же эмиграция окончательно кончится? Только недавно меня осенило, что это был не единичный переход границы, а путешествие длиной в жизнь, которое я не могла контролировать. Как будто внутри меня работал загадочный двигатель, который заставляет меня ходить зигзагами, словно фигуру коня в шахматной игре.

Виктор Шкловский писал в 1920-е годы, что он и его друзья все еще продолжали играть в игру по определенным правилам, — разыгрывая шахматную партию, — но мир вокруг них уже был вовлечен в куда более суровый театр проб, ошибок и произвола. Иммигрантка — дитя противоречий, жестокое и уязвимое, — чрезмерно серьезная и заядлая мастерица маскарада, внешне скептическая, внутренне доверчивая. Никогда не бросавшая непринужденное «Я люблю тебя», но всегда мечтавшая произнести эти слова и сделать это со всей ответственностью. Порою — ясновидящая, а иногда умышленно слепая, увлеченная стремлением к будущему и страхами перед непогребенным прошлым той страны, которой уже не существует. После того как в вашей жизни, как и в моей, сбываются невероятные вещи, вы начинаете полагаться на исключения из правил и верить в собственную удачу. Это не самая лучшая затея. Иммигрантка — это трикстерша, которую легко обхитрить в ее же игре. Она клюет на мошеннические схемы-пирамиды счастья, и ее вновь и вновь обманывают, не важно, — выглядит ли эта схема как идеальное гнездышко для представителей среднего клас-

10. Игра слов *embrace-embarrassing*. В данном случае с целью максимального сохранения авторского замысла можно перевести эту пару, используя созвучные слова: «принять» — «неприемлемый».

са, которое порой становится предметом ее зависти, с нежным лежанием в постели в обнимку, с меньшей долей писательства и большей долей непосредственной жизни, или как идеальное сообщество интеллектуалов, в некоем месте с хорошим климатом, — не-Платонический симпозион для женщин. Иммигрантка — легкая добыча как для невероятных приключений, так и для обещания безопасности и комфорта. Она — неудержимый игрок, который внезапно осознает, что уже не владеет правилами игры.

Есть искушение превратить изгнание в метафору: изгнание из рая, изгнание в гуманитарные науки, изгнание в искусство. Если вам довелось прибыть в Америку ребенком иммигрантов и посещать американскую школу, а затем и курсы писательского мастерства, то вам известен определенный жанр повествования об иммигрантском опыте на американском английском языке; ваши сочинения — прекрасно упакованный продукт, потому что иностранные товары, которые вы продаете, являются одомашненными и предназначены для целевой рыночной ниши. Иммигрант, приехавший в США во взрослом возрасте, навечно останется косноязычным и никогда не сможет избавиться от чужого синтаксиса. Вас одолевают смешанные чувства — чрезмерная благодарность к своей новой родине и признание собственной непричастности к ней, ваше смущение и ваш трикстерский задор. Упаковка метафор и опыта дается вам труднее; вы навеки запутались в паутине смешанных чувств, словно старые комедианты из буффонады. С одной стороны, вы порой чрезмерно увлечены своей второй родиной, вопреки всему, с другой стороны, вы слишком смущены отсутствием чувства принадлежности к ней¹¹, с третьей стороны, излишне многословны и благодарны за мелочи, с четвертой, очень щепетильны по отношению к мельчайшим деталям зарубежной жизни, с пятой стороны, неуклюжие и измотанные, хладнокровные и собранные, с шестой стороны, «такие душевные [иммигрантские] состояния все время обрастают

11. В оригинальном тексте использовано устойчивое выражение *failure to belong*, которое употребляется в отношении отсутствия у субъекта принадлежности к какой-либо группе, общине, социальной прослойке и т. п. Зачастую данное выражение применяется в официально-деловых и юридических текстах (законах подзаконных актах, регламентах и т. п.) — во фразах, где требуется реализовать следующую грамматическую конструкцию: *belonging or failure to belong to* («вне зависимости от принадлежности [к группе] или ее отсутствия»).

дополнительными [передними конечностями]»¹², — как пишет набоковский хваткий иммигрант о своем менее успешном собрате-*émigré* Тимофее Пнине. Иммигрант — «сороконожка» (*centipede*) с множеством ноющих конечностей. Когда мы, советские беженцы, прибыли в США из СССР, мы получили короткие и простые уроки хорошего американского английского: избегайте длинных русских предложений, не используйте слово «возможно» и безличные конструкции, не ходите вокруг да около, демонстрируйте свою агентность. Вы несете ответственность за свои действия, поэтому просто скажите: «Я сделал то, то и то». — «Но в русском языке у нас есть пословица: „Я — последняя буква алфавита“». — «Никаких „но“, а также избегайте и пословиц. Их никто не понимает». — «Но может быть...» — «И еще одно: никогда не пытайтесь шутить. Вы и так забавные».

Когда я пишу от лица различных персонажей, это помогает мне примирить мой русский и американский стили, по крайней мере на какое-то время. Зенита, Сусана, Светлана — они застали меня врасплох. В этой книге они пересекаются, время от времени натываясь друг на друга. Вместе они рассказывают «коллективную историю» перехода от внутренней иммиграции к реальной эмиграции; историю двойной жизни и множества точек зрения. Жизнестойкость иммигрантов зиждется на забвении и стремлении к труду во имя нового начала. Чего же мы добиваемся, оглядываясь назад?

Я скучаю по Зените — ребенку шестидесятых — так же, как скучаю по молодому смеху своей матери, замысловатой прическе, переполненным пляжам и забавным отцовским значкам «КЗБЗ» и «КИНО». Зенита, названная в честь космической футбольной команды, — та, кому не нужно эмигрировать. Ей нравилось быть юной пионеркой именно благодаря этому пугающему алкогольному дыханию неуклюжего пионервожатого, чьи дрожащие пальцы завязали слишком

12. В оригинальной англоязычной версии романа «Пнин», опубликованной в 1957 г. в США, Владимир Набоков применяет в цитируемом абзаце такую сравнительную метафору как *forelimbs* — «передние конечности». Отрывок фразы выглядит следующим образом *these mental states sprout additional forelimbs all the time*. В русской версии текста в переводе Геннадия Барабтарло (1949–2019) вместо русскоязычного эквивалента слов *additional forelimbs* появляется более нейтральное словосочетание «дополнительными сторонами». В переводе Сергея Ильина (1948–2017) фраза становится такой: «умственные состояния этого рода непрестанно обзаводятся лишними сторонами». Книга «Пнин» стала тринадцатым романом Набокова и четвертым по счету, изначально написанным на английском языке.

свободный узел на ее шее во время потрясающего ритуала посвящения. Маленькая Зенита стремилась сделать вид, что это не испортило ей день, это того стоило. И с того самого момента ей всегда хотелось улучшить систему изнутри, постараться сделать ее лучше, а не бросать. В девять лет Зенита без особого успеха пыталась стать хорошей фигуристкой, по крайней мере на паркетном полу в родительской комнате. Она мечтала отправиться в космос и построить второй дом на Красной планете, словно Аэлита, царица Марса¹³. В одиннадцать лет, проявляя некоторый интерес к иностранному д'Артаньяну, она все еще шла по стопам молодого Владимира Ульянова-Ленина в его подпольной деятельности и сочиняла множество тайных посланий, призывающих к новой революции, записывая их молоком из хлебной чернильницы. Нам всем понравилась эта история. В одном из своих подпольных укрытий или даже в царском застенке Ленин оказался без письменных принадлежностей. Все, что ему давали, — это каша, молоко и хлеб. Он ел кашу, для восстановления сил, а затем делал чернильницу из хлебных мякишей и наливал в нее молоко. Он обмакивал палец в молоке и записывал важные революционные директивы, невидимые для тюремных охранников. Его адресат брал бесценную бумагу и приближал ее к пламени, чтобы прочесть. Пожалуйста, попытайтесь повторить это дома. Нам с Зенитой нравилось это революционное письмо белым по белому; вчерашнее молоко на пожелтевшей бумаге. И вот, когда вы подносите бумагу к газовой горелке (или пламени костра), то видите, как в середине страницы постепенно появляются дрожащие буквы с выжженными тенями. Зенита преуспела в литературе и математике и даже получила почетную грамоту на Детской математической олимпиаде. К четырнадцати годам в средней школе Зениту начал основательно раздражать ленинизм, и она решила искать «подлинного Маркса» за пределами нескольких заученных и предварительно усвоенных цитат из школьной методички. Когда она принялась грезить о марксистской революции, то невольно воспроизвела полемику между троцкистами и левыми эсерами — приблизительно образца 1919 года. А затем, в седьмом классе, последовало то «чрезвычайно важное и срочное классное собрание» под председательством самого директора школы и в присутствии всего школьного сове-

13. Аэлита — царица Марса, героиня романа Алексея Толстого (1883–1945) и одноименного немого советского художественного кинофильма.

та. Это было публичное отречение от «изменников Родины» и их поделщиков. Причиной этого обязательного официального собрания стал отъезд из Советского Союза одного из наших учеников — Марка, семья которого собралась эмигрировать из Советского Союза в Израиль.

В подобных случаях настоятельно рекомендовалось проводить такого рода собрания, но наши местные руководители проявили необычайное рвение и инициативу. Классная руководительница попросила всех учеников, у которых в классном журнале в графе «национальность» значилось — еврей, встать и отречься от международного сионизма и космополитизма. В нашем классе было 4 или 5 евреев и несколько скрытых евреев, которые в данном случае были не в счет. Первый ученик по фамилии Иоффе (я помню это как вчера) вызвался с энтузиазмом; поднялся еще до того, как подошла его очередь по алфавиту, и осудил сионистскую космополитическую западную пропаганду. Следующими были Зенита и Светка Гольдберг, числящиеся «еврейками». Они просто встали. И абсолютно ничего не говорили. Они стояли, сжав губы, словно партизанки. Возникла долгая неудобная пауза. Легкое волнение и шепот, но по большей части тишина. Директор и староста тоже хранили молчание. Они пытались говорить: «И?» «Ну?» — но потом прекратили. Все пребывали в тихом оцепенении на протяжении пяти или десяти минут. Это походило на чеховскую пьесу, разве что в разоренном саду не звучала скрипка. Молчание продолжалось до тех пор, пока один из детей номенклатурщиков, высокий и симпатичный Миша, сын ректора университета и вовсе никакой не еврей, не поднялся со словами: «Я думаю, нам не следует так поспешно осуждать Марка, — он просто послушный ребенок своих родителей, которые эмигрируют». Ни Зенита, ни Светлана не помнят, что было дальше. Только это заявление спасло всех и каким-то образом позволило школьным аппаратчикам сохранить лицо и закруглить собрание. В конце Светка/Зенита пожали Марку руку, и это сберегло его от горьких слез.

Марк, кстати, вышел на связь спустя десять лет: он уже проживал в Канаде, где обучался на раввина. Он до сих пор помнит эту историю. Светка в тот самый момент могла подумать об эмиграции, в то время как Зенита твердо стояла за справедливость внутри страны. (Светка позабыла рассказать тебе эту историю? Она вечно забывает о важных вещах.) Зенита продолжает оставаться сосредоточенной. Попраны

прекрасные слова о справедливом обществе, мире, интернационализме и любви между народами! Пора снова делать записи молоком, белым по белому, но уже иного рода. Она стала посещать тайные собрания малочисленной группы местных диссидентов, которые читали нелегально ввезенные главы из книги «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына и еще более будоражащую книгу «Лолита» неизвестного писателя-эмигранта Владимира Набокова. (Светке об этом не говорили. Встречи проходили неподалеку от дома, где они жили, попасть туда можно было через их двор. Подруга Светки по литературному клубу, поэтесса Александра Нефедова¹⁴, тоже отправилась туда, но поклялась хранить это в секрете от всех, в том числе от Светки.) Литературный стиль Набокова показался Зените чрезмерно витиеватым и перегруженным, на ее вкус, и тема была шокирующей, но отдельные пассажи были превосходными. Зе-ни-та не сумела дочитать Ло-ли-ту в ту ночь, когда ей позволили взять книгу домой. Она уснула, ее свидание на одну ночь с Набоковым оборвалось преждевременно. Она по-настоящему прониклась Солженицыным и попыталась разузнать больше о том, что пережила ее бабушка Соня в ГУЛАГе. Зенита любила курорты на Финском заливе, такие как Зеленогорск, завоеванный Советским Союзом в ходе Зимней войны, где до сих пор сохранились большие и богато украшенные загородные дома, построенные финнами и экспроприированные Советской властью, что придавало этому месту иностранный колорит. Там же находился длинный песчаный пляж с дюнами и лабиринт с бесконечными клумбами, на которых красовались воодушевляющие лозунги из незабудок, одуванчиков, колокольчиков и хризантем. В отличие от Светки, она противилась тому, чтобы влюбиться в Сашу Б., сына полковника, который изучал французский и приторговывал из-под полы, обмениваясь товарами с туристами из Финляндии.

Зенита не могла влюбиться в того, кто не читал Пастернака и еще меньше знал о Марксе и прибавочной стоимости.

14. Александра Смит (Александра Нефедова, р. 1959) — филолог, поэтесса. Специализируется на славистике, сравнительном литературоведении, теории и истории литературы, русской литературе XIX–XXI вв., преподает в Университете Эдинбурга. В опубликованных поэтических сборниках есть стихотворения, посвященные ее подруге — Свете Гольдберг. В одном из них есть строка, отсылающая к их ленинградскому детству, прошедшему на Петроградской стороне, и литературному клубу «Дерзание», который они вместе посещали: «Отечество, не Царское Село, Отечество нам Площадь Льва Толстого, мы здесь дерзали всем чертям назло и не искали жребия другого».

Это для Светки движущей силой было то самое приключение свободы, а порой и просто приключение, в то время как Зенита находилась в поиске настоящей любви. Она была готова ее дожидаться. Коктебель очаровал ее пурпурным туманом и сапфическими холмами. Она приобрела фотокамеру «Зенит» и сделала великолепные кадры, запечатлев коктебельские заборы и тени, ложившиеся на нее и ее друзей на волнистом песке. Она ела воблу и выслушала множество разговоров о «выезде», где под словом «выезд» подразумевался отъезд навсегда. Она уже познакомилась с Юрой, своим однокурсником по специальности «математическая лингвистика» в Педагогическом институте. Поначалу он был робок, и она не была уверена, воспринимает ли он ее всерьез. Она опасалась, что его могла соблазнить Ирка Сидорова, — дочка профессора юриспруденции с солидными связями. Но тут Юра приехал в Коктебель, — она увидела его как раз в тот момент, когда собиралась встать в очередь за пивом и воблой, и спросила:

- Простите, кто следующий?
- Я следующий, — негромко произнес он.
- Тогда я — за тобой.

У Юры было множество чаяний и амбиций, он собирался обучаться математической лингвистике, чтобы освоить космическую связь или как минимум изучать альтернативные модели Вселенной посредством семиотики. Он был высокого роста, с бликующей ямочкой на щеке и с серьезным выражением серых глаз. В те дни было совершенно не в моде говорить что-либо откровенное, но я могла лишь вообразить (ведь я не делала этого сама и не имела представления о том, каково это), я могла лишь догадываться, что они действительно тихонько шептались друг другу: «Я люблю тебя» на фоне мерцающих волн. А может, им вовсе и не нужны были ни мерцание, ни слова. Но они совершили то, что совершили, отбросив в сторону преграды иронии.

Разумеется, Зенита на сдержанной церемонии во Дворце бракосочетаний вышла замуж за Юрочку, а позже страдала от нескончаемых упреков со стороны его беспощадной матери-еврейки. Поначалу она никак не могла поладить со свекровью, но потом они обзавелись отдельной однокомнатной квартирой, бог знает благодаря каким связям. Примерно через год они совершили свадебное путешествие по Крыму, от Коктебеля до Бахчисарая и Чуфут-Кале, — тайных городов караимов. Караимы были мистическими и мистифицирую-

щими; временами они стояли на том, что являются исконными и наиболее аутентичными иудеями, а в других случаях, когда быть евреями оказывалось невыгодно, они утверждали, что не являются таковыми. Таким образом, они не платили «еврейские» подати русскому государю и не преследовались нацистами во время Второй мировой войны. От них сохранились впечатляющие надгробные камни с осыпающимися буквами на иврите и латинкой забытого прошлого. (Но это уже совсем другая история.) Первая фотокарточка: Зениточка стоит в своем откровенном польском бикини, а Юра застенчиво склоняется и крепко прижимает ее к своей волосатой груди. Вторая фотокарточка: караимские камни, расходящиеся трещины вокруг буквы хей. В застойные 80-е разговоры об эмиграции превратились в шумовой фон для многих еврейских семей. Но мать Юры имела допуск¹⁵ и не могла получить выездную визу, а без нее они не стали бы уезжать. В самом деле? Может, обсудим? Нет, об этом не может быть и речи. По какой-то причине, Зенита никогда интуитивно не стремилась к отъезду. Она не любила работу школьной учительницы математики и продолжала свои небольшие писательские эксперименты: короткие документальные рассказы из жизни ленинградских дворов, стихотворения в прозе о кроваво-багряных осенних листьях, танцующих на электрических проводах, и розовоперстом полярном сиянии¹⁶ (не так уж хорошо все это звучит в переводе на английский язык). Она прекратила писать стихи, как только родился маленький Боря. А потом наступила гласность, за которой последовала перестройка, и жить, по словам Маяковского, стало веселее¹⁷. Зенита увидела те книги, которые читала только в самиздате, в полуофициальном ходу, и была готова стать активным участником переходного периода. Казалось, что ее бывшая внутренняя им-

15. Допуск — право на получение доступа к информации, составляющей государственную тайну. Наличие допуска, как правило, полностью исключало возможность выезда за рубеж (до полного истечения срока допуска). С 2004 года ассоциирующееся с эпохой СССР наименование «Первый отдел» было официально заменено на «режимно-секретный отдел» (РСО).

16. В оригинальном тексте употреблено словосочетание “the burned fingers of Aurora Borealis”. Здесь, вероятно, присутствует отсылка к фразе «Заря багряною рукой» из «Оды на день восшествия на престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны» (1748) Михаила Ломоносова. Пародийные отсылки к этому литературному штампу появляются также во «Вздорных одах» Александра Сумарокова и «Евгении Онегине».

17. Вероятно, речь идет о цитате Иосифа Сталина из его речи 17 ноября 1935 года на Первом всесоюзном совещании рабочих и работниц — стахановцев: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее».

миграция теперь подготовила ее к открытой общественной жизни. В августе 1991 года она вышла на Дворцовую площадь, чтобы встретиться лицом к лицу с танками. В 90-е годы она посещала множество общественных дискуссий и даже опубликовала свои журналистские работы и фотоснимки. Учить школьников становилось все интереснее, хотя платили за это все меньше и меньше. Но по мере того, как после 1996–1998 годов девяностые пошли на спад, Зенита стала переживать что-то вроде кризиса среднего возраста. Боречка еще в школе начал заниматься бизнесом, Юра казался отчужденным и утомленным, а она все реже обращалась к написанию своих сочинений. Да, они замечательно отдыхали за границей, в Европе и даже в Турции, но они были там лишь туристами, узнавая больше о самих себе — на фоне отлично подходящих для семейных фотоснимков пейзажей. Примерно в то же время, ориентировочно в 1998 году, Зенита познакомилась с приглашенным профессором из Америки, гламурной Сусаной-Светланой, которая немного походила на нее, — разве что ее походка была совершенно другой. Она держалась как человек, которому необходимо оставлять вокруг себя свободное пространство, ни на кого не опираясь, — двигаться по своему собственному пути. Но и в ней было нечто бесприютное. Она путешествовала налегке и настораживалась, когда незнакомцы называли ее Светкой, и отказывалась добавлять к своему имени какой-либо уменьшительно-ласкательный суффикс. Но Зенита чувствовала, что Светлана жила в магическом расширяющемся мире. Ее старомодный ленинградский русский с иноязычной интонацией превращал каждую фразу в повисающий в воздухе вопрос. Ей и в голову не приходило спросить Светлану, счастлива ли она в любви. Было очевидно, что она встала на жизненный Путь с большой буквы «П». В тот вечер Зенита, как обычно, разругалась со своим сыном Борей, который притащил домой очередные новые «бренды», она оставила Юру смотреть тревожные новости по телевизору, надела югославский халат, а затем легла, повернувшись лицом к стене со старыми желтыми обоями в своей бывшей советской спальне, размышляя о том, каково это быть Светланой и засыпать в чужеземной комнате, окрашенной в «то-сканский красный»¹⁸. Она немного поплакала о своих потен-

18. Тосканский красный — цвет, применявшийся для окраски пассажирских железнодорожных составов в Пенсильвании, Новом Южном Уэльсе, Австралии. В английском языке первое упоминание этого разбеленного оттенка красного как «тосканского» относится к 1880-м гг.

циальных непрожитых жизнях, но потом посчитала овец, как наставляла ее мать: «Посчитай овец и представь их, раз, два, три, белая, серая, черная...», и уснула, прильнув к любимому телу Юры. С утра Зенита нанесла крем, чтобы скрыть синяки вокруг глаз. Ведь синяки — это просто часть жизни. Зенита осталась стойкой и сильной. Порой она с упреком и недоверием смотрит через мое плечо, когда я смотрю в потолок, позволяя гневным коротким замыканиям мыслей превозмочь мои лучшие идеи и искорки чуда посреди разбросанных книг и фольги от шоколадок. «Ты та, кому достались все наши возможности...» В глубине души я знаю, что Зенита права, и без нее этот текст никогда не был бы написан. Светлана Бойм, — ученая и писательница, — судя по всему, та из нас, которой удалось преуспеть больше остальных, но следы других девочек с недописанными судьбами время от времени просачиваются в ее упорядоченную прозу. На протяжении некоторого времени Светлана умудрялась дирижировать всеми нами в формате экспериментальной симфонии. Она восприняла этот синкопический опыт изгнанных чувственных деталей, — жизни, лишенной синтеза; сопротивляясь ослепляющим идеологиям и реди-мейдовому административному мышлению и никогда не прекращая исследовать новые пункты назначения, представленные для эмиграции. Но тут непостоянная Фортуна сыграла злую шутку. Сначала Светлана случайно сломала ногу на берегу реки Чарльз. Она сделала множество фотоснимков игривых теней на покрытой волнами поверхности реки и задалась вопросами: что же на самом деле сломалось внутри нее, и какой фантомной конечности она лишилась? Она, как всегда, решила сыграть в легкомыслие, предаться со-творчеству с бедой и не делать из своего кризиса среднего возраста чего-то большего, чем следует. А потом ее многолетний американский брак сломался — так же внезапно, как и конечность, — и это каким-то образом оказало воздействие на самую основу ее личности. Она усвоила такой парадокс: для приключений, сопряженных с мобильностью, необходим крепкий и устойчивый костяк. Мобильность и безопасность обеспечивают одни и те же суставы. Большую часть своей жизни она пыталась преодолеть непредсказуемость, но всегда с существующим где-то на горизонте ощущением личной безопасности и товарищества, не важно — реальным или воображаемым. Столкновение лицом к лицу с незащищенностью и неопределенностью в среднем возрасте без эмигрантской жизнестойкой энергетики казалось невыполнимой задачей.

В этот момент на свет появилась последняя из наших воображаемых созданий, — отчаянная авантюристка по имени Лана-Иланка, — женщина неопределенного происхождения, еврейская космополитка, заядлая путешественница и робкая любительница виртуальных свиданий, также известная как Панка66 («Привет, красотка. ЛОЛ¹⁹»). Она представлялась как «привлекательная, в меру умная университетская преподавательница и художница». Иланка, непредубежденная, очаровательно меланхоличная, с которой легко переписываться онлайн, а порой и «пересечься за чашечкой кофе», была наименее счастливой из всей моей компании. Иланка внезапно осознала, что после тридцати лет в Америке, она здесь чужая и не только для себя самой. Этот позднейший отложенный иммигрантский шок пережить было сложнее всего. Ведь она уже заслужила свою принадлежность, не говоря уже о «милом» характерном акценте. Неужели вечно придется отвечать на вопрос «Откуда ты», которым тебя обременяет любой незнакомец? Она все пыталась сойти за свою с дефисом или что-то вроде того; обычный человек с немного необычной биографией, но для большинства она оставалась «экзотической» женщиной, интересной для свиданий, но, похоже, слишком эксцентричной для повседневной жизни. Легко привязываться к иностранцам, а потом бросать их так же быстро, как вы их цепляете; они не являются частью вашей семьи и никогда ею не станут. Иланка начала ощущать себя чужой в своем почти родном Бостоне со своими лучшими друзьями, разбросанными по всей Европе и Нью-Йорку. Иланка приходилась дальней родственницей предприимчивой Сьюзанн-Сусане. Разве что, Сьюзанн была молодой, она наслаждалась своим творческим острашением и уединением, чувствуя себя в безопасности. Вместо этого творческого уединения, когда вы поддерживаете диалог с собой и другими, Иланка ощущала себя изолированной и непередаваемо одинокой. Уединение — это когда вы разговариваете со своими лучшими демонами; одиночество — это когда такой диалог оказывается невозможным. Наша стройная Панка66 с великолепной стрижкой и крутыми очками так замечательно смотрелась на бумаге, но в реальной жизни оказалась самым слабым звеном.

Зенита, Сусана, Иланка — все они застали меня врасплох. Я не готовилась к тому, что они проявят себя. До момента

19. ЛОЛ (LOL) — популярная в интернете аббревиатура, образованная от выражения *laughing out loud* — букв. «громко смеюсь».

кризиса Сусана и Зенита мне не отвечали, а Иланка казалась не более чем моим виртуальным аватаром для свиданий. Каждое из имен — это конечность со своим фантомным наслаждением и болью. У них есть свои разветвляющиеся линии жизни, которые зачастую ускользают от меня. Мы независимы друг от друга, но в то же время отчасти со-зависимы. Мы меняемся ролями и играем в музыкальную игру «займи свободный стул», а порой происходит неудача, провал, падение. И остается та безымянная девочка, которая обожала играть в прятки, потому что верила, что всякий раз, когда она прячется, ее непременно найдут. Возможно, объединившись вместе, этот коллектив из воображаемых братьев и сестер сможет помочь единственному ребенку? Я читала, что лучшее лекарство от фантомной боли — это принцип зеркала, позволяющий разобраться с потерянными конечностями, которые нас преследуют. Этот текст — попытка воплощения принципа зеркала. Я никогда не хотела окончательно ассимилироваться и вписаться в пресловутый американский плавильный котел. Я также не желала аффирмации своей иммигрантской идентичности и теплого отношения со стороны сообщества приезжих. Я надеялась на третий путь — ход коня. Вовсе не для того, чтобы пытаться ассимилироваться, а для того, чтобы меня окружали другие — непохожие друг на друга, чтобы принимать участие в приключении жизни. Персона²⁰ некогда являлась маской в греческой трагедии, но ношение этой маски было не просто маскировкой, а раскрытием глубинного «я». Для меня личная *integrity* всегда была важнее когерентной личной *identity*. Ни одно из двух этих слов: *integrity*²¹ и *identity*²² — не имеет точного эквивалента в русском языке. (Само собой, «души» и «правды»

20. Персона — от *лат. persona* или *древнегреч. πρόσωπον* — маска персонажа в древнегреческом театре, выбор которой основывался, как правило, на особенностях социальных, гендерных и религиозно-мистических характеристик различных персонажей. Маски в античном театре подразделялись на следующие традиционные типы: люди — старики, молодые, женщины, рабы, мыслители, воины и т. д.; герои и божества — с присущими им культовыми атрибутами; животные и вымышленные существа.

21. Английское слово *integrity* в различных контекстах принято переводить на русский язык как «целостность», «неприкосновенность», «добросовестность», «добропорядочность», «порядочность», «честность», «неподкупность», «надежность», «объективность», «беспристрастность», «достоверность», «самобытность», «сохранность», «принципиальность».

22. Английское слово *identity* в различных контекстах принято переводить на русский язык как «идентичность», «идентификация», «личность», «самобытность», «принадлежность», «имя», «индивидуальность», «тождество», «удостоверение личности», «персональные данные».

там в достатке.) Может быть, подобного рода *integrity* без полной интеграции можно обрести в пылком диалоге с другими посредством обучения и исследований и нашей последней воображаемой родины — тоски по мировой культуре? В годы обучения в высшей школе, когда я прогуливалась по иммигрантским районам города, а затем ехала в переполненном метро до университета, мне никогда не приходило в голову, что это — башня из слоновой кости или какая-то свободная автономная зона. Это были взаимосвязанные пространства, одно перетекало в другое, словно коридоры коммунальной квартиры и железнодорожной станции в моих сновидениях. Вопросы человеческого страдания, перемещения, мирового чуда, человеческого общения не представлялись мне сугубо академическими. Моя исследовательская работа помогла мне осмыслить собственный иммигрантский опыт и разделить его с другими. Во всяком случае, связь между жизнью и исследованиями казалась слишком постоянной. Словосочетание «башня из слоновой кости» далеко не всегда носило негативную коннотацию; оно восходит к речи влюбленного в «Песне песней»: «Шея твоя — башня из слоновой кости»²³. Речь идет о красоте тела возлюбленной, это описание амурной архитектуры космоса. Негативную коннотацию этому выражению придали ханжеский XIX век и антиинтеллектуализм. Впрочем, действительно существуют ученые, которые полностью посвящают свою деятельность работе в узких рамках дисциплинарных знаний, но на обеих моих родинах, — в СССР и в США, — этим понятием слишком часто злоупотребляли, — с целью поставить под удар интеллектуалов и критически настроенных мыслителей.

Я, пожалуй, остановлюсь на башне возлюбленных, имеющей форму авангардной спирали, напоминающей башню Татлина. Перед лицом колоссального неравенства в Соединенных Штатах Америки (и менее признаваемого неравенства в Советском Союзе и России, соответственно) башня из слоновой кости — далеко не самое опасное место. Я знаю насколько непопулярно это подмечать, но на самом деле это не что иное, как популярная культура Соединенных Штатов Америки, предельно далекая от демократии и порожденная индустрией развлечений, являющаяся куда более экономически и политически влиятельной, нежели кучка художников, исследователей и академических ученых. Терминология социального исключения не является исключительной

23. См.: «Песнь песней» в переводе Торы Шимшона Мидбари.

собственностью академического сообщества и не служит его единственной характеристикой. Сегодня существует значительная опасность того, что университет превратится в очередную корпоративную башню, утратив свою относительную независимость и сосредоточившись на исследованиях и обучении. В какой-то момент около пяти лет назад, завершая работу над книгой «Другая свобода» и будучи особенно раздраженной бюрократическими препонами, я решила повесить цитату из труда Токвиля «Демократия в Америке» на двери своего кабинета в Центре Баркера в Гарварде. Большой поклонник американских политических институтов и критик американского образа мышления, Токвиль отмечал парадоксы, рождающиеся в противоборстве индивидуализма и конформизма:

«Я не знаю ни одной страны, где в целом свобода духа и свобода слова были бы так ограничены, как в Америке».

Я и предположить не могла, какой будет реакция на мою цитату. На следующий же день управляющий здания сообщил мне, что цитату нужно убрать.

— Почему? — поинтересовалась я, заподозрив цензуру.

— Это противоречит проекту здания, — пояснил управляющий, мы предпочитаем, чтобы двери кабинетов выглядели единообразно.

Однако всякий раз, когда я впадаю в ностальгический неконформизм, я вспоминаю мудрые слова моей бывшей наставницы, писательницы и критика Барбары Джонсон, которая преподавала мне жизненный урок после того, как я устроилась на работу в Гарвард. «Кончайте говорить об антиистеблишменте, Светлана. Теперь вы сами — истеблишмент». У нее было замечательное чувство юмора, и я вижу, как ее губы приоткрываются в печально-задумчивой улыбке. Нужно просто научиться жить с определенными травмами, включаться в со-творчество с тем, что дается, и не отрекаться от собственных идеалов при первой же неудаче. Не все неторные дорожки лучше хоженных. Эмигрируйте, если это будет необходимо. Ни о чем не жалейте. Мне довелось пережить множество деклараций о «конце чего-либо»: конец истории, конец искусства, конец Советского Союза и т. д., некоторые из которых имеют большее отношение к реальности, чем другие. Возможно, именно поэтому я испытываю такие трудности с завершением чего-либо. Конец Советского Союза и его государств-сателлитов не повлек за собой «конец истории»; на деле же, история хлынула как кровь из разверзнувшейся раны. Нельзя сказать и того, что капитализм просто

вышел победителем из этой игры, демократия в мире тоже далеко не на подъеме, и мы вовсе не уверены в том, кто именно (если вообще кто-либо) одержал победу в холодной войне. Что касается конца «мира улиток»²⁴ (доцифрового ретробытия — живых чувств и встреч лицом к лицу), то он еще не наступил. Внутренняя эмиграция в детстве и побег в виртуальную вселенную литературы подготовили меня к цифровому бытию и виртуальным свиданиям. Тем не менее я продолжала находиться в статусе «цифрового иммигранта»; я не была «цифровым аборигеном», но после опыта пересечения этой границы я с удовольствием приняла свой цифровой статус иностранца-нерезидента. Можно по-прежнему оставаться трикстером и идти окольными дорогами, прокладывая альтернативный путь в виртуальном мире, не принося в жертву мир телесно-чувственной реальности. И вот, пока я намереваюсь подвести к концу эту сказку о «конце иммиграции», PBS²⁵ транслирует передачу об очередном «конце...», как бы издеваясь надо мной и моим стремлением к завершению. На этот раз речь идет не о «конце истории» или «конце искусства», а о чем-то более амбициозном — о конце *homo sapiens*, — что можно перевести как «человек ищущий»²⁶. Юваль Ной Харари, автор новой книги «Sapiens: Краткая история человечества», предсказывает, что в не столь отдаленном будущем «разумные» знания больше не будут привязаны к человеку, а будут связаны с мудрой машиной или новой кастой суперпроизводительных киборгов, обладающих нечеловеческим долголетием. В отличие от времен моего детства, большинство сегодняшних футуристических теорий тяготеет скорее к антиутопическому началу, нежели утопическому, — впрочем, зачастую они переплетаются. В заглавии приятно радуется та его часть, которая гласит, что «история человечества» — «краткая», и мы вскоре превратимся в редкую историческую монету — в юмористической рефлексии. Человеческие особи-иммигранты. Конечно, это может быть очередная

24. Отсылка к устойчивому английскому выражению *snail mail*, что означает «обычная почта», «бумажная почта», «медленная почта», «допотопная почта» — в противопоставлении с *mail* — словом, которое в эпоху интернета стало ассоциироваться преимущественно с электронной почтой.

25. PBS (*Public Broadcasting Service*) — американская некоммерческая телевизионная служба общественного вещания, в которую входят около 350 телестанций. PBS создана в Бостоне в 1969 г., финансируется преимущественно посредством правительственных грантов и является коллективной собственностью входящих в данное объединение независимых некоммерческих телестанций.

26. В оригинальном тексте используется словосочетание *inquiring human*.

зловещая научная сказка. Советский опыт научил меня одному — быть внимательной читательницей сказок; не бежать сломя голову за привлекательным комсомольским вождем Иваном-дураком в поисках его взрывоопасной Жар-птицы, а наносить на карту мигрирующие сюжеты и пористые структуры страха, а также — принятие желаемого за действительное. Сказки из этой книги вот-вот начнутся.

Светка, четыре с половиной годика, — хотела быть Красной Шапочкой. Она оделась сказочной девочкой и отправилась на детский новогодний утренник к маме на работу. И там она увидела на сцене пожилого Доктора со шприцем в человеческий рост. Она не хотела, чтобы дети страдали от боли. «Дети, нас обманули! — закричала Светка, срывая праздник. — Это не спектакль, это больница!» Зенита, десять лет, — грезилa о настоящем Космосе. Она рисовала ракеты, смотрела фотографии животных и людей, которые путешествовали в космос, и хотела увидеть настоящий спутник, — слово, которое по-русски означает как космический спутник, так и спутника жизни. А потом она узнала, что маленькая собачка Лайка²⁷, посланная товарищем Хрущевым в космос, так и не вернулась на Землю. И что еще хуже, все это было задумано как поездка в один конец. Дети, нас обманули! Космоса в том виде, в каком мы его знали, больше не существует или, возможно, его никогда и не было. А есть стареющая Сусана, собирающая камешки с расходящимися прожилками в крымском тумане, на руинах грез XX столетия и последствий военных действий. Давайте вспомним все то, что мы пытались забыть, дети. Давайте функционировать в многозадачном облачном режиме. Давайте поиграем с иным огнем.

DOI: 10.58186/2782-3660-2022-2-4-111-140

27. Лайка (1954–1957) — беспородная собака-космонавт, отправленная на космическом корабле «Спутник-2» на околоземную орбиту в рамках экспериментального пуска 3 ноября 1957 г. Конструкция корабля изначально не предусматривала возвращения на Землю, но предполагала жизнь собаки на орбите в течение 7 суток. На «Спутнике-2» была установлена система кормления и жизнеобеспечения, позволявшая поддерживать жизнь на расчетный период времени, а также исследовательская аппаратура, позволявшая собирать и передавать данные на Землю. Тем не менее конструкторы в ходе расчетов и земных испытаний не учли риск, связанный с нагревом корпуса. Корабль совершил 4 полных витка вокруг Земли, после чего собака погибла от перегрева (температура на этот момент поднялась до 40 °C). Собака прожила 5–7 часов с момента запуска. Космическое судно с телом погибшей Лайки совершило всего 2370 витков вокруг Земли и сгорело в атмосфере 14 апреля 1958 года.